

Методология и теория

ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, КАТЕГОРИИ, МЕТОДЫ И МОДЕЛИ

Дмитрий Николаевич Замятин,
доктор культурологии,
руководитель Центра гуманитарных исследований пространства
Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
E-mail: metageogr@mail.ru

В статье представлен авторский взгляд на термин и понятие гуманитарной географии. Охарактеризованы предмет изучения, соотношение с традиционными областями географической науки, в том числе с культурной географией. Дана структура основных направлений гуманитарной географии, включая имагинальную (образную) географию, когнитивную географию и мифогеографию. Предложены определения некоторых ключевых понятий образной географии (географический образ, образно-географическая карта, моделирование географических образов) и первичная гуманитарно-географическая модель пространственных представлений. Описаны основные интерпретации образа гуманитарной географии в контексте её методологических перспектив.

Ключевые слова: гуманитарная география, культурная география, географический образ, когнитивная география, мифогеография, сакральная география, образно-географическая карта, моделирование, локальный миф, региональная идентичность

УДК 911.3:009

Введение

Гуманитарная география – междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность [Замятин 1999, 2003б, 2004а,б, 2005, 2006; Замятина, Митин, 2007; Гуманитарная... 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2010]. Базовые понятия, которыми оперирует гуманитарная география – это культурный ландшафт (а также этнокультурный ландшафт), географический образ, региональная (пространственная) идентичность, пространственный или локальный миф (региональная мифология). Понятие «гуманитарная география» тесно связано и пересекается с понятиями «культурная география», «география человека», «социокультурная (социальная) география», «общественная география», «гуманистическая география» [Lowenthal 1961; The Interpretation... 1979; Tuan 1990; Daniels 1992; Jordan et al. 1994; Geography... 1994; Schama 1996; Cultural... 2000; Studying... 2003].

Первоначально гуманитарная география развивалась в рамках антропогеографии (начало XX в.), позднее – в рамках экономической и социально-экономической географии (с 1920-х годов). Значительные научные достижения в понимании цели и задач гуманитарной географии связаны с развитием культурного ландшафтоведения, географии населения, географии городов, географии туризма и отдыха, культурной географии, поведенческой (пер-

цепционной) географии, географии искусства [Голд 1990; Веденин 1997; Туровский 2001; Лавренова 2001; Стрелецкий 2002].

В начале XXI в. понятие «гуманитарная география» часто воспринимается как синоним понятия «культурная география». На наш взгляд, следующие особенности гуманитарной географии *отличают* её от культурной:

- включение различных аспектов политической, социальной и экономической географии, связанных с интерпретациями земных пространств;
- междисциплинарность (гуманитарная география не входит целиком или основной своей частью в комплекс географических наук);
- смещение фокуса исследовательской активности в сторону процессов формирования и развития ментальных конструктов, описывающих, характеризующих и структурирующих первичные комплексы пространственных восприятий и представлений.

К научно-идеологическому *ядру* гуманитарной географии можно отнести: культурное ландшафтоведение, образную (имагинальную) географию, когнитивную географию [Замятина 2002], мифогеографию [Митин 2004], сакральную географию. Гуманитарная география развивается во взаимодействии с такими научными областями и направлениями, как когнитивная наука, культурная антропология, культурология, филология, политология и международные отношения, геополитика и политическая география, искусствоведение, история.

Имагинальная география как когнитивное ядро гуманитарной географии

Имагинальная, или образная география – междисциплинарное научное направление в рамках *гуманитарной географии* [Замятин 2007]. Имагинальная география изучает особенности и закономерности формирования *географических образов*, структуры географических образов, специфику моделирования географических образов, способы и типы репрезентации и интерпретации географических образов. Синонимы термина «имагинальная география» – образная география, география воображения, имагинативная география, имагинальная спациология, философическая география. В семантическом отношении наиболее широкий термин – «образная география»; наиболее узкий – «география воображения» [Андерсон 2001, Агтас, Бенбасса 2002, Бассин 2005, Вульф 2003, Барт 2004, Башляр 2004, Бондаренко 2003, Величковский и др. 1986, Гачев 1995, Генон 2003, Голд 1990, Ерофеев 1982, Замятин 2003б, 2004б, 2005в; Замятина 1998, 2004а, 2004б; Котлер и др. 2005; Лавренова 1998; Митин 2004, 2005; Регионализация... 2001; Саид 2006; Чихичин 2005; Bassin 1991, 1999; Conforti 2001, Corbin 1972; Cosgrove 1984, 1989; Cultural... 2000; Daniels 1992, 1993; Hage 1996; Hudson, Pocock 1978; Gregory 1994; Lowenthal 1961; Manguel and Guadalupi 1999; Schama 1996; Soja 1990, 1996; Todorova 1997; Tuan 1977]. Так могут обозначаться различные филологические, психологические, политологические и иные *case-study* в рамках общей тематики имагинальной географии.

Центральное понятие имагинальной географии – *географический образ*. Содержательная основа имагинальной географии – моделирование географических образов. Один из базовых методов имагинальной географии – *образно-географическое картографирование*. В концептуальное поле имагинальной географии входят: хорошо разработанные понятия гуманитарных наук «гений места», «поэтика пространства», «гетеротопия»; основные понятия гуманитарной географии – локальный/пространственный миф, региональная идентичность (региональное самосознание), культурный ландшафт (ландшафт, этнокультурный ландшафт); понятия образно-географической системы, образного пространства (образно-географического пространства), ментально-географического пространства, метапространства.

Латентный период становления имагинальной географии относится ко второй половине XIX – началу XX века. Тогда развитие хронологической концепции в географии, широкое использование понятия ландшафта, появление французской школы географии человека и антропогеографии, феноменологии, зарождение неклассических научных методов исследо-

вания привлекли внимание научных сообществ к проблематике образных репрезентаций земного пространства.

Паралатентный, или *полускрытый период* становления имагинальной географии – это 1920-е–1940-е годы, когда развитие культурного ландшафтоведения, культурной географии, сакральной географии, геоистории (французская школа Анналов), регионалистики и краеведения, гештальт-психологии и бихевиоризма, экзистенциальной философии (Германия, Франция, СССР – только в 1920-х гг., Великобритания, США) позволили научно сформулировать проблему исследования образов пространства.

Базовый период становления имагинальной географии относится к 1950–1980-м годам. В это время происходит быстрое развитие культурной и гуманистической географии и их выдвигание на первые роли в западной географии. Появляется понятие постмодерна, позволяющее широко разрабатывать проблематику имагинальных теорий и практик. Возникают научные исследования образов мест, территорий и пространств в культурной и гуманистической географии, географии искусства и эстетической географии, социологии, психологии, культурной антропологии, истории, литературоведении. Резко актуализируются понятия региональной идентичности и региональной (пространственной) мифологии; начинают доминировать знаково-символические интерпретации культурных ландшафтов; формируется комплекс когнитивных наук, в рамках которого возможны более эффективные методы имагинальных исследований.

Наконец, в *когнитивно-институциональный период* становления имагинальной географии – 1990-е–2000-е годы – появляются монографии по имагинальной географии, начинают формироваться смежные научные направления (когнитивная география, мифогеография); возникает общее гуманитарно-географическое концептуальное (исследовательское) поле, позволяющее чётко идентифицировать и разместить имагинально-географическую проблематику; разрабатываются основы моделирования географических образов.

В начале XXI века имагинальная география оказывает концептуальное влияние на развитие культурной антропологии, культурологии, политологии, истории (особенно региональной и локальной истории), литературоведения, комплексного краеведения и регионоведения. Прикладные проекты в сфере имагинальной географии связаны с маркетингом территорий, стран, регионов и мест, разработкой имиджей территорий в рекламе, PR, туристическом бизнесе, инвестиционной деятельности. Концептуальное развитие имагинальной географии связано с художественными практиками и проектами в сфере литературы, визуальных искусств (кино, видео, живописи и графики), архитектуры. На границе между имагинальной географией и художественными практиками формируются гибридные художественно-исследовательские направления – метагеография и метакраеведение.

Географический образ – центральное понятие имагинальной географии

Географический образ – система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну). Географический образ – центральное понятие *имагинальной географии*. Как правило, отдельные географические образы могут формировать, в свою очередь, образно-географические системы (метасистемы). Один из методов изучения географических образов – построение *образно-географических карт* (см. ниже).

Близким по смыслу к понятию географического образа является понятие географического имиджа (имиджа территории). Синонимы географического образа – образ территории, образ региона, образ места, образ пространства. Как инвариант понятия «географический образ» может рассматриваться понятие *культурного ландшафта*. В содержательном плане наиболее продуктивно использование понятия географического образа совместно с понятиями *когнитивно-географического контекста* и локального (регионального, пространственного) мифа.

Географический образ – это феномен культуры, характеризующий стадийное (общий аспект) и уникальное (частный аспект) состояния общества. Данный феномен является важным критерием цивилизационного анализа любого общества. Качественные характеристики географических образов в культуре, способы репрезентации и интерпретации географических образов, структуры художественного и политического мышления в категориях географических образов существенны для географического, культурологического, исторического и политологического анализа развития общества.

В методологическом плане формирование и развитие систем географических образов определяется развитием культуры (культур). По мере развития культуры в процессе человеческой деятельности географическое пространство всё в большей степени осознаётся как система (системы) образов. Первоначально, как правило, формируются простые, примитивные географические образы, «привязанные» к прикладным аспектам деятельности человека, к наиболее насущным потребностям общества. В дальнейшем, по мере возникновения и развития духовной культуры, искусства создаются и развиваются географические образы, в значительной степени дистанцированные от явно видимых нужд общества. Наряду с этим, ранее возникшие виды и типы человеческой деятельности, усложняясь, способствуют зарождению и развитию более сложных и автономных географических образов – например, образов стран и регионов в культурной, политической и экономической деятельности.

Целенаправленная человеческая деятельность включает в себя элементы сознательного создания и развития конкретных географических образов. При этом формирующиеся в стратегическом плане образные системы можно назвать субъект-объектными, так как субъект (создатель, творец, разработчик) этих образов находится как бы внутри своего объекта – определенной территории (пространства). Роль и значение подобных стратегий состоит в выборе и известном культивировании наиболее «выигрышных» в заданном контексте элементов географического пространства, которые замещаются сериями усиливающих друг друга взаимодействующих географических образов. В процессе развития географических образов в различных сферах человеческой деятельности формируется, как правило, несколько доминирующих форм репрезентации и интерпретации соответствующих географических образов.

Образно-географическая карта как метод исследования в имагинальной и гуманитарной географии

Образно-географическая карта, или карта географических образов – графическая модель географических образов какой-либо территории или акватории (места, ландшафта, местности, реки, населённого пункта, города, региона, страны, континента и т.д.). Она может рассматриваться как графическое отображение структурной модели какого-либо географического образа или репрезентировать образно-географическое пространство вербальных (письменных, визуальных, картографических) текстов. Как когнитивное средство образно-географическая карта направлена на выявление и построение содержательных для конкретного географического пространства знаков, символов, стереотипов и архетипов в виде системы взаимосвязанных элементов [Замятин 2005б, 2005в, 2006; Митин 2005].

Образно-географическая карта – автономная часть процесса моделирования географических образов. Это графический инвариант словесной (устной или письменной) модели географического образа; один из инструментов изучения имиджевых ресурсов территории. Разработка и построение образно-географических карт – это метод имагинальной географии. В когнитивном отношении образно-географическая карта – результат концентрации знаний об определённом географическом пространстве в специфической знаково-символической форме. Создание конкретной образно-географической карты можно рассматривать как процесс интерпретации изучаемых географических образов.

Направленность на содержательные знаково-символические репрезентации географического пространства определяет дискретность картографического поля образно-географической карты и частичное и необязательное соблюдение традиционной для европейской картографии Нового времени ориентации по сторонам света (см. *Таблицу*). По таким параметрам как отношение к традиционным картографическим правилам и проекциям и дистанция между картографируемым объектом и его изображением образно-географические карты близки к ментальным (когнитивным) картам и *картоидам*.

Таблица

Сравнительные характеристики различных видов картографирования

Виды картографирования	Ориентация карты	Отношение к традиционным картографическим правилам и проекциям	Континуальность или дискретность картографического поля	Дистанция между картографируемым объектом и его изображением
Традиционное	Традиционная (север – вверху)	Соблюдение традиционных правил и проекций	Континуальность	Минимальная
Ментальное (когнитивное)	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Частичная континуальность	Средняя
Картоиды	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Частичная континуальность	Средняя
Образно-географическое	Традиционная	Частичное соблюдение правил, несоблюдение проекций	Дискретность	Максимальная

Формально образно-географические карты представляют собой математические графы или диаграммы Венна. Эти способы графического изображения позволяют показать пересечения и вхождения географических образов друг в друга, их взаимную ориентацию и взаимодействие. Как и любая географическая карта, образно-географическая карта может иметь соответствующую легенду, включающую типологию или классификацию изображенных знаков и символов, а также типологию или классификацию знаково-символических связей (см. *рис. 1, 2*).

Для изучения динамики конкретных географических образов создаются серии образно-географических карт. Одно и то же географическое или образно-географическое пространство может репрезентироваться или интерпретироваться потенциально бесконечным множеством образно-географических карт – в зависимости от целей и задач образно-географического картографирования, а также специфики воображения автора карты. Выявление содержательных взаимосвязей между различными образно-географическими картами, относящимися к одному и тому же пространству, а также процедуры их согласования в прикладных целях предполагают построение графических моделей метагеографических пространств.

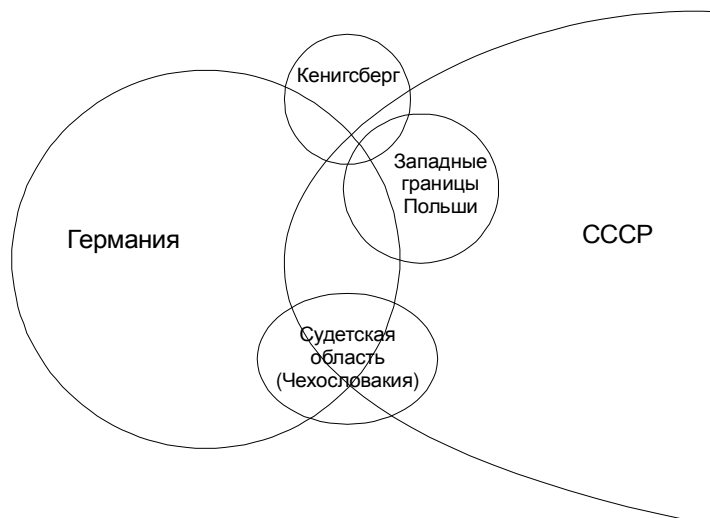

Рис. 1. Образно-географическая карта обсуждения границ Германии на переговорах Черчилля, Сталина и Трумэна во время Потсдамской мирной конференции 1945 г. [Замятин, 1999].

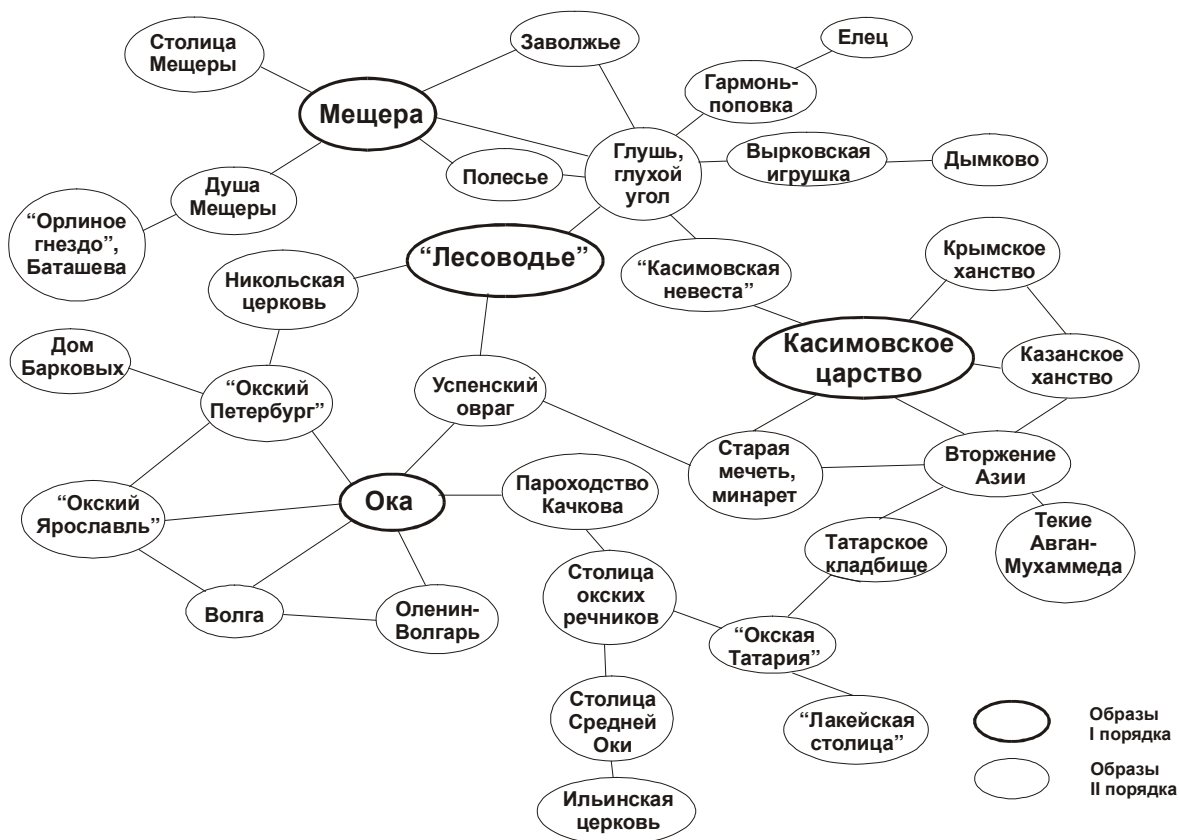

Рис. 2. Образно-географическая карта г. Касимов (Рязанская обл.) [Замятин, 2005в].

Моделирование географических образов

Моделирование географических образов – область имагинальной географии, занимающаяся изучением процессов формирования, развития и структурирования географических образов. Моделирование географических образов включает в себя две основные части:

- теорию моделирования географических образов и
- методику и прикладные аспекты моделирования географических образов.

Исходным материалом в моделировании географических образов служат тексты, как вербальные, так и не вербальные, а также визуальное искусство, кино, фотография, музыка, архитектура. Объектом моделирования может быть как конкретная географическая территория (культурный ландшафт, населённый пункт, город, район, страна), так и определенное художественное произведение или определенный текст. Промежуточным (переходным) объектом моделирования выступают человеческие сообщества различного ранга и размерности (этническая, культурная или социальная группа, территориальное сообщество, население города, профессиональное сообщество, виртуальное сообщество, нация и т.п.) [Цымбурский 2006, Родоман 2007а, Косино 2008].

Теория моделирования географических образов может частично выходить за концептуальные рамки имагинальной географии, выступая частью более общей теории моделирования общественных (социокультурных, политических, экономических) процессов. Среди основных *проблем* теории моделирования географических образов:

- поиск базовых, наиболее распространенных и устойчивых моделей географических образов;
- выявление закономерностей формирования и развития географических образов;
- формулировка первичных алгоритмов, призванных структурировать модели географических образов;
- выявление и описание ключевых контекстов, в которых функционируют модели географических образов в рамках более общих моделей общественного развития.

Методика и прикладные аспекты моделирования географических образов входят в общую методику имагинальной географии. Наряду с этим, они могут использоваться в когнитивной географии, мифогеографии в рамках прикладной гуманитарной географии. К основным методическим и прикладным задачам моделирования географических образов относятся:

- разработка типовых алгоритмов, позволяющих моделировать географические образы в конкретных научных и прикладных областях (например, в художественных текстах, или в сфере маркетинга территорий);
- системный мониторинг (обнаружение и описание) вновь возникающих уникальных и типовых географических образов в различных сферах общественного развития.

В данной научной области используются разнообразные средства изучения: текстовые описания (как научные, так и художественные), фото- и видеосъемка, образно-географическое картографирование, компьютерные модели, социологические опросы и глубинные интервью, контент-анализ, построение географических картоидов, живопись и графика, музыкальные произведения. Теория моделирования географических образов предполагает совмещение и/или сосуществование двух разных методологических подходов:

- реконструкция, выявление модели географического образа (в рамках условного «объективистского» подхода предполагается, что исследователь относится к модели как уже существующей независимо от него);
- конструирование модели географического образа, которое может сопровождаться его деконструкцией (конструктивистский подход, дополняемый постструктуралистскими и постмодернистскими подходами, в целом можно назвать «субъективистским» подходом).

Моделирование географических образов предполагает как создание новых оригинальных (текстовых, визуальных, картографических и т.д.) произведений в качестве отдельных элементов модели географического образа, так и использование в данном процессе ра-

нее созданных произведений или их фрагментов, не принадлежащих исследователю как автору. Основное методологическое допущение при этом – признание потенциальной множественности/бесконечности моделей одного и того же объекта исследования в зависимости от целей и задач исследователя. Это методологически связано с пониманием самого географического образа как бесконечного пространственного разнообразия, фиксируемого каждый раз в конкретный момент времени (понимаемого, в свою очередь, как пространство событий).

Моделирование географических образов интенсивно взаимодействует с когнитивной географией и мифогеографией. При этом наряду с понятием географического образа активно используются понятия когнитивно-географического контекста, локального (пространственного, регионального) мифа, гения места, знакового места. Моделирование географических образов в той или иной мере применяется в современных геополитических и международных исследованиях, социологии, культурологии, психологии, филологии. Наиболее важные научные теоретические и прикладные области, в которых оно может выступать как один из ключевых подходов – это география искусства и литературы, градостроительство, география городов, районная планировка и архитектура, маркетинг и брендинг территорий, музейное проектирование.

Когнитивная модель пространственных представлений в локально-мифологическом контексте

Рассмотрим соотношения основных понятий, описывающих образы пространства, производимые и поддерживаемые человеческими сообществами различных иерархических уровней, разного цивилизационного происхождения и локализации. На условной вертикальной оси, направленной снизу вверх, от бессознательного к сознанию, выделим *четыре страты, образующие треугольник* (или пирамиду, если строить трехмерную схему), размещенный своим основанием на горизонтали. Нижняя, самая протяженная по горизонтали страта, как бы «утопающая» в бессознательном – это географические образы. На ней, немного выше располагается «локально-мифологическая» страта, уже менее протяженная. Ещё выше, ближе к уровню некоего идеального сознания – страта региональной идентичности. Наконец, на самом вершине как «колпачок» этого треугольника образов пространства – культурные ландшафты, находящиеся ближе всего, в силу своей доминирующей визуальности, к сознательным репрезентациям и интерпретациям различных локальных сообществ и их отдельных представителей [Топоров 1995, Русская провинция... 2000, Абашев 2000, Кривонос 2001, Люсьи 2003, Геопанорама... 2004].

Понятно, что возможны и другие варианты схем, описывающие подобные соотношения. Подчеркнём, тем не менее, что всевозможные порождения оригинальных локальных или региональных мифов во многом базируются именно на географическом воображении. При этом процесс разработки и оформления локального мифа – это «полусознательная» или «полубессознательная» когнитивную «вытяжка» из определённых географических образов, являющихся неким «пластом бессознательного» для данной территории или места. Скорее всего, онтологическая проблема взаимодействия географических образов и локальных мифов состоит в том, как из условного образно-географического «месива», не предполагающего каких-либо логически подобных последовательностей, попытаться сформировать некоторые образно-географические «цепочки» в какой-либо последовательности, а затем параллельно им попытаться рассказать вполне конкретную локальную историю, содержание которой может быть мифологичным [Замятин 2005в]. Иначе говоря, при переходе от географических образов к локальным мифам и мифологиям должен произойти ментальный сдвиг, смещение. Всякий локальный миф создается как разрыв между рядоположенными географическими образами, как когнитивное заполнение образно-географической лакуны соответствующим легендарным, сказочным, фольклорным нарративом. В качестве примера упомянем блестя-

щий вариант развития бажовской уральской мифологии на основе хтонических горных образов [Никулина 2002].

Если продолжить интерпретацию предложенной выше схемы с позиций локальных мифологий, заметим, что локальные мифы могут быть базой для развития соответствующих региональных идентичностей [Daniels 1992; Studying... 2003; Центр... 2003; Груздов, Свешников 2005; Вахрушев 2006; Саратовское... 2007; Богомяков 2007; Рахматуллин 2002, 2008]. Ясно, что и в этом случае, при перемещении в сторону более осознанных, более «репрезентативных» образов пространства, должен происходить определённый ментальный сдвиг. На наш взгляд, он может заключаться в «неожиданных» – исходя из непосредственного содержания самих локальных мифов – образно-логических и часто весьма упрощённых трактовках этих историй, определяемых современными региональными политическими, социокультурными и экономическими контекстами.

Остановимся на региональных идентичностях, формируемых конкретными целенаправленными событиями и манифестациями (например, установка мемориального знака или памятника, городское празднество, восстановление старого или строительство нового храма, интервью регионального политического или культурного деятеля в местной прессе и т.д.). С одной стороны, они «выпрямляют» локальные мифы в когнитивном отношении, ставя их «на службу» конкретным локальным и региональным сообществам. С другой стороны, само существование, воспроизводство и развитие региональных идентичностей невозможно без выявления, реконструкции или деконструкции старых, хорошо закреплённых в региональном сознании мифов [Елистратов 2007; Конькова 2006; Дранникова 2006] и разработки новых. При этом часть этих вновь основанных локальных может постепенно закрепиться в региональном сознании, а часть – оказавшись слабо соответствовавшей местным географическим образам-архетипам и действительным потребностям поддержания региональной идентичности – практически исчезнуть.

Основные интерпретации образа гуманитарной географии

География сама по себе – сильный и мощный образ знания, «привязанного» к восприятию, воображению и интерпретациям земного пространства. Этот образ никогда не был – по крайней мере, в пределах надёжно воспроизводимой истории цивилизаций – полностью или абсолютно рационализированным, даже в эпохи жесткого научного позитивизма и постпозитивистских научных идеологий. Основная методологическая проблема географии, осознанная и сформулированная сравнительно поздно, только к середине XIX – началу XX века, – в том, что географическое пространство не «поддавалось» классическим дискурсам гуманитарных наук, сложившимся в своих первоначальных «развёртках» к концу века Просвещения.

Нет сомнения, что примерно до начала XX века география как быстро формировавшаяся и дифференцировавшаяся научная дисциплина вполне успешно могла обходиться методологией и методиками естественных наук с ориентацией на позитивистские стратегии и идеалы получения и развития научного знания. Кроме того, большинство гуманитарных наук вплоть до середины XX века также ориентировалось на явно или неявно естественнонаучные/позитивистские идеалы научного знания – порой даже вне зависимости от степени успешности их использования и применения [Бейтсон 2000, 2007]. Наконец, такие науки как демография, статистика и этнография, в институциональном «лоне» которых сравнительно долго, в течение большей части XIX века, «вынашивалась» география, также предпочитали (а частично и до сих пор предпочитают) сравнительно массовидные методы исследования, восходящие, прямо или косвенно, к идеологии позитивизма.

Не следует, однако, недооценивать роль и значение позитивизма как научной идеологии в современной гуманитарной географии. По сути дела, сам позитивизм был мощным и закономерным следствием общего процесса секуляризации и гуманитаризации науки как

специфической ментальной и социокультурной деятельности, начиная с эпохи европейского Возрождения. В этом смысле гуманитарную географию можно назвать постпозитивистской версией классической географии XIX века. Она учитывает позитивизм как безусловное ментальное ядро или методологическую «почву», от которой, несомненно, надо отталкиваться и отдаляться, но забвение или уничтожение которой – по крайней мере, пока – еще не возможно и не нужно.

Понять образ гуманитарной географии невозможно, не осознав значимости интерпретаций земного пространства, становящегося тем самым гео-графическим. Именно в этой постоянно наращиваемой, постоянно преследуемой всевозможными образами и символами географичности «ускользающего» земного пространства и заключается возрастающее значение гуманитарной географии. Однако этот образный «шанс» не обретается сам по себе, в «безвоздушной среде» чистого познания или чистого искусства. Гуманитарная география развивается в той мере, в какой человеческие сообщества «опространствляют» свою деятельность, или же рассматривают пространство как существенную и значимую репрезентацию своей деятельности – включая, естественно, и непосредственные пространственные репрезентации [Шмит 2008].

Не будет преувеличением отметить, что древние и средневековые общества рассматривали земное пространство как, в основном, некий внешний образ, репрезентируемый либо какими-либо прямыми и косвенными возможностями, ограничениями, «угрозами», либо яркими и «выпуклыми» нарративами религиозного, мифологического, философского, исторического, художественного характера. Традиционное восприятие земного пространства отличается непосредственностью географического воображения, проявляющегося в несомненной древности, и практической вечности ментальных основ сакральной географии [Генон 2004, Корбен 2006]. В случае сакральной географии акт восприятия и акт воображения пространства составляют безусловный единый «гештальтом». Он обеспечивает относительную общественную эффективность сочленения и соотнесения нарративов «видимых» (условная материальная деятельность) и «невидимых» (условная духовная, культурная, автономная ментальная деятельность).

Было бы достаточно легко – по крайней мере, методологически – представить хорошо известную и документированную историю человеческих сообществ через ментальные конструкции в таких вариациях: этнокультурные ландшафты, культурные ландшафты, ландшафты культуры, географические образы, локальные мифы, региональные идентичности, типичные или типовые пейзажи – например, эллинистический пейзаж, геотнические или геокультурные панорамы [Топоров 1991, 1993]. В таком случае история предстаёт как интериоризация земного пространства, выступающего в качестве упомянутых конструкций.

Обобщая, можно вывести подобный анализ на уровень закономерностей развития специфических геокультур, сменяющих друг друга, или, что более правдоподобно, сосуществующих друг с другом. Возникают всё новые и новые геокультуры, а некоторые более старые геокультуры отмирают и исчезают, не имея более «конкурентноспособных» в общественном смысле и постоянно воспроизводимых в социологическом плане репрезентаций [Замятин 2002, 2003a]. Наконец, можно говорить и о параллельном (иногда вполне изолированном) развитии так называемых способов видения (в широком ключе, хотя и с опорой на зрительные образы), обусловленных конкретными социокультурными и/или цивилизационными установками в духе Освальда Шпенглера.

Не замыкаясь на истории собственно географии, взятой в её научном, донаучном или паранаучном срезе, рассмотрим гуманитарную географию как широкий образ ментальной деятельности, занятой всевозможными интерпретациями земного пространства. При этом не будем ограничиваться очевидным плодотворным историзмом, позволяющим развёртывать логически состоятельные и убедительные варианты развития гуманитарных представлений пространства. Не следует ли постоянно ментально (а лучше – онтологически) «откидывать» вновь возникающие художественные, философские, научные феноменологии образов про-

странства? Туда, назад, к истокам, в «лоно» их первоначального ментального бытия, где эти образы «слипаются» с пространством самой мысли о них, или же любая ментальная деятельность неразличима вне самого пространства такой деятельности? Не является ли пространство в этом случае онтологическим условием существования гуманитарной географии, а сама гуманитарная география – лишь приблизительным эквивалентом общественной, цивилизационной, локальной возможности пространственного представления как такового?

Похоже, что речь может идти не об отрицании историзма как такового (без чего невозможно представить сами пространственные нарративы) но о некоей *внутренней географии пространства*. В ней сами образы, символы, мифы пространства конструируются, размещаются, соотносятся в метапространстве, создавая все новые и новые метапространственные конфигурации. Однако не значит ли это, что возникает просто еще один уровень исследования, логично вытекающий из предыдущего, на котором всевозможные интерпретации феноменов земного пространства рассматриваются отдельно? Можно до бесконечности, подобно античным гностикам, наращивать слои или сферы таких когнитивных переходов, действуя слишком механистически и фактически воспроизводя одно и то же на всех последующих уровнях.

По-видимому, стоит обратить внимание на чрезвычайно важное понятие внутренней географии пространства, чтобы осознать в когнитивном и образном планах системность самого перехода к метапространствам и попытаться онтологизировать сам этот переход, осуществить его «опространствление». Зная о безусловной ущербности и уязвимости всякого претендующего на излишнюю точность и чёткость определения, попробуем все же сформулировать его в самых общих чертах. Итак, внутренняя география пространства – это процесс автономного образования пространств, которые не связаны непосредственно ни с географией восприятия и/или поведения, ни с географией ментальных конструкций, обусловленных тем, как традиционные (господствующие с XVI века сначала в Европе, а затем и в остальных регионах мира) картографические проекции трансформируют физическое пространство. Этот процесс носит пространственный характер. Иначе говоря, любое пространство может подвергаться пространственным же интерпретациям вне зависимости от того, носило ли оно первоначально признаки конкретного физического и/или психологического пространства, или же полностью было ментально сконструированным. Это не отрицает, а только подтверждает несомненные генетические связи метапространства с традиционными версиями земных пространств.

Возникает вопрос: а как это можно репрезентировать? Можно ли «увидеть» внутреннюю географию пространства, описать или картографировать её? Наконец, зачем нужна такая география – если даже оперировать только методологическими и теоретическими контекстами?

Будем «отталкиваться» от тех опытов онтологического видения земного пространства, в которых пространство становится самостоятельным действенным актором, активно влияющим не только на внешнее течение событий, но и «претендующим» на архетипы и структуры происходящих событий. В таких случаях временные нарративы выходят из-под контроля автора опыта, становясь своего рода «садом расходящихся тропок». Предположим, речь идёт только лишь о неких искажениях традиционного пространственного опыта человеческих сообществ, уже хорошо описываемых и представляемых современной теоретической физикой. Предположим, что это параллельные миры-пространства, соединяемые между собой «кротовыми норами» и уже прекрасно отработанные современной массовой культурой в жанре фэнтези. В этом случае можно было бы обойтись подробными описаниями конкретных пространственных абберраций, иллюзий и искажений. Всё это носило бы исключительно художественный и творческий характер – дабы не прибегать, по принципу бритвы Оккама, к усложнению теории.

Однако Хорхе Луис Борхес замечательно показал алгоритмы появления и развития внутренней географии пространства. Он описал нечто большее, чем параллельные простран-

ства-миры, лишь изредка напоминаящие друг другу о собственном существовании или же задающие неразрешимые загадки героям его произведений, остающимся в рамках традиционной земной географии. Другой пример – тексты Андрея Платонова, Франца Кафки, Джеймса Джойса, Бруно Шульца. В них, коротко говоря, пространство кардинальным образом меняет сюжет, чуть ли не заменяя его, становясь, по сути, вторым «автором» этих текстов.

«Каким было бы пространство наших мыслей, образов, действий, если бы мы соразмеряли их с самим пространством или же представляли такое пространство максимально пространственно?» – вот, по существу, главный вопрос внутренней географии пространства.

Литература

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Аттиас Ж.-К., Бенбасса Э. Вымышленный Израиль. М.: ЛОРИ, 2002.

Барт Р. Империя знаков. М.: Практикс, 2004.

Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 277-311.

Башляр Г. Поэтика пространства // Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 5-213.

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.

Бейтсон Г. Разум и природа: Неизбежное единство. М.: КомКнига, 2007.

Богомяков В.Г. Региональная идентичность «земли тюменской». Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2007.

Бондаренко Г.В. Мифология пространства Древней Ирландии. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Вахрушев В.С. О концепте «Балашовская мифология» // Весы: Альманах гуманитарных кафедр Балашовского филиала Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. № 31. Жанры в мифологии, фольклоре и литературе. Балашов, 2006. С. 59-74.

Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.

Величковский Б.М., Блинникова И.В., Лапин Е.А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 103-112.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995.

Генон Р. Избранные сочинения: Царство количества и знаменья времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М.: Беловодье, 2003.

Генон Р. Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / Отв. ред. Л.О. Зайонц; Сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990.

Груздов Е.В., Свешников А.В. Словарь мифологии Омска // Пятые Омские искусствоведческие чтения «Современное искусство Сибири как со-бытие»: Материалы республиканской науч. конф. Омск: Наука, 2005. С. 109-144.

Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1 / Отв. ред., сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2004.

- Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред., сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2005.
- Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 3 / Отв. ред., сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2006.
- Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4 / Отв. ред., сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2007.
- Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5 / Отв. ред. И.И. Митин, сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2008.
- Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 6 / Отв. ред. И.И. Митин, сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2010.
- Дранникова Н.В. Мифология Кенозерья // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты нарвов Европейского Севера / Отв. ред. Н.М. Терехихин. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 109-115.
- Елистратов В.С. Евразийский Рим или Апология московского мещанства // Елистратов В.С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М.: Русские словари, 1997. С. 640-702.
- Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. М.: Наука, 1982.
- Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
- Замятин Д.Н. Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 5-13.
- Замятин Д.Н. Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов) // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2003а. С. 213-256.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003б.
- Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004а.
- Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004б.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред., сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2005а. С. 332-334.
- Замятин Д. Картографирование географических образов // Diskussionsbeiträge zur Kartosemiotik und zur Theorie der Kartographie. Band 8. Dresden: Selbstverlag der Technischen Universität Dresden, 2005б. S. 34-46.
- Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред., сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2005в. С. 276—323.
- Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
- Замятин Д.Н. Имагинальная (образная) география [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4 / Отв. ред., сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2007. С. 291-296.
- Замятина Н.Ю. Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни // Восток. 1998. № 6. С. 5-20.
- Замятина Н.Ю. Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. №5. С. 32-37.

Замятина Н.Ю. Использование образов мест в преподавании страноведения и градоведения // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1 / Отв. ред., сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2004а. С. 311-327.

Замятина Н.Ю. Формирование образа города: особенности и закономерности // Возвращённые имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России: Проектные материалы под ред. А.С. Макарычева. Нижний Новгород: IREX и «Профессионалы за сотрудничество», 2004б. С. 49 – 70.

Замятина Н.Ю., Митин И.И. Гуманитарная география (2) [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4 / Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2007. С. 282-288.

Конькова О.И. Ижорский мир: формирование и конструкция. Пространство и время // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / Отв. ред. Н.М. Теребихин. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 53-68.

Корбен А. Свет славы и святой Грааль. М.: Волшебная гора, 2006.

Косино Го. Образ империи в «альтернативных историях» современной России // Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2008. P. 391-409.

Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.

Кривонос В.Ш. Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. С. 101-110.

Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (геокультурный аспект) / Науч. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт наследия, 1998.

Лавренова О.А. Новые направления культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география // Культурная география / Науч. ред. Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. М.: Институт Наследия, 2001. С. 95-126.

Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003.

Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004.

Митин И.И. Методика полевых гуманитарно-географических исследований в контексте мифогеографии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред., сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2005. С. 235-276.

Никулина М. Камень. Гора. Пещера. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002.

Рахматуллин Р. Москва – Рим. Новый счёт семихолмия // НГ Ex Libris. 10 октября 2002. С. 4-5.

Рахматуллин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы. М.: АСТ, Олимп, 2008.

Регионализация посткоммунистической Европы. М.: ИНИОН РАН, 2001.

Родоман Б.Б. Географические картоиды // Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды. Смоленск: Ойкумена, 2007а. С. 182-202.

Родоман Б.Б. Географические картоиды с множественной интерпретацией // Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды. Смоленск: Ойкумена, 2007б. С. 204-210.

Русская провинция: миф – текст – реальность / Сост. А.Ф. Белоусов и Т.В. Цивьян. М.-СПб.: Лань, 2000.

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.

Саратовское озеро: сакральная география. Мифопоэтический атлас. [Саратов], 2007.

Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. №4. С.18-28.

Топоров В.Н. К происхождению и функциям «гео-этнических» панорам в аспекте связей истории и культуры // История и культура: Тезисы. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1991. С. 86-108.

Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Ч. I. М.: Радикс, 1993.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995.

Туровский Р.Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география / Науч. ред. Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. М.: Институт наследия, 2001. С. 10-94.

Центр и региональные идентичности в России / Отв. ред. В. Гельман и Т. Хепф. СПб.-М: Изд-во Европейского университета, Летний сад, 2003.

Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993-2006. М.: РОССПЭН, 2006.

Чихичин В.В. Комплексный географический образ города: определение понятия и стратегии реконструкции // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред., сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2005. С. 206-226.

Шмит К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008.

Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96. No. 3. P. 763-794.

Bassin M. Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840-1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Conforti J.A. Imagining New England: Explorations of Regional Identity from the Pilgrims to the Mid-Twentieth Century. Chapel Hill – L.: The University of North Carolina Press, 2001.

Corbin H. *Mundus imaginalis* or the imaginary and the imaginal // *Spring* 1972. Dallas: Spring Publications, 1972. P. 1-19.

Cosgrove D.E. *Social Formation and Symbolic Landscape*. L.: Croom Helm, 1984.

Cosgrove D.E. Models, descriptions and imagination in geography // *Remodelling geography* / Ed. by B. MacMillan. Oxford: Blackwell, 1989. P. 230-244.

Cultural Turns/Geographical Turns. Perspectives of Cultural Geography / Ed. by S. Naylor, J. Ryan, I. Cook and D. Crouch. N.Y.: Prentice Hall, 2000.

Daniels S. Place and Geographical Imagination // *Geography*. 1992. No. 4(337). P. 310-322.

Daniels S. *Fields of Vision: Landscape Imagery and National Identity in England and United States*. Cambridge: Polity Press, 1993.

Geography and National Identity / Ed. by Hooson D. Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994.

Gregory D. *Geographical Imaginations*. Oxford: Blackwell, 1994.

Hage G. The spatial imaginary of national practices: dwelling – domesticating/being – exterminating // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1996. Vol. 14. P. 463-485.

Hudson R., Pocock D. *Images of the urban environment*. N.Y.: Columbia University Press, 1978.

Jordan T.G., Domosh M., Rowntree L. *The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography*. Sixth Edition. N.Y.: Harper Collins College Publishers, 1994.

Lowenthal D. Geography, experience and imagination: towards a geographical epistemology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1961. Vol. 51. No. 3. P. 241-260.

Manguel A., Guadalupi G. *The Dictionary of Imaginary Places*. The newly updated and expanded classic. L.: Bloomsbury, 1999.

Schama S. *Landscape and Memory*. N.Y.: Vintage Books, 1996.

Soja E.W. *Postmodern geographies: The reassertion of space in critical social theory*. L.-N.Y.: Verso, 1990.

Soja E.W. Thirdspace. Journeys to Los Angeles and Others Real-and-Imagined places. Oxford: Blackwell, 1996.

Studing Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson and P. Richards. N.Y.: Oxford University Press, 2003.

The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays / Ed. by D.W. Meinig. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1979.

Todorova M. Imagining the Balkans. New York: Oxford University Press, 1997.

Tuan Yi-Fu. Space and place: The perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.

Tuan Yi-Fu. Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, and values / With a new pref. by the author. N.Y.: Columbia University Press, 1990.